

В.К. Кюкхельбекер

Ижорский мистерия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.К. Кюкхельбекер**
Ижорский мистерия / В.К. Кюкхельбекер – М.: Книга по Требованию, 2021. –
152 с.

ISBN 978-5-517-98216-2

ISBN 978-5-517-98216-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МОСКВА—1908.

Типо-лит. „**РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА** печати и издательскаго дѣла“.

Чрединскій переулокъ, Мыльняковъ пер., соб. домъ.

Телефоны: 19.35 и 52.95.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если сочиненіе лишено внутренняго достоинства, самыя краснорѣчивыя предисловія не доставятъ ему благосклонности читателей. Однако же при попыткахъ, которыя въ какой-нибудь словесности еще новы и противорѣчатъ общепринятымъ правиламъ или предразсудкамъ, нельзя осудить писателя, когда онъ постарается указать публикѣ ту точку зрѣнія, съ коей смотрѣть на предметъ свой. Вотъ почему и мы позволимъ себѣ поговорить о томъ, что всего болѣе покажется страннымъ въ сей 1-й части нашей Мистеріи тѣмъ, которые знакомы съ романтическою драмою по одному, можетъ быть, Шекспиру и послѣдователямъ его, Шиллеру и Гёте. Нашъ Ижорскій созданъ не по симъ образцамъ, а болѣе по примѣру безхитростныхъ аллегорическихъ игрищъ Ганса Сакса, Братій страстей Господнихъ (*Frères de la Passion*), Англійскихъ Менестрелей, Нѣмецкихъ Мейстерзенгеровъ и если угодно охотникамъ до именъ болѣе громкихъ, Кальдероновыхъ: *Sacramentales*. Объ этомъ-то именно и желали мы намянуть, назвавъ поэму свою *Мистерією* и раздѣливъ ее не на пять, а на три дѣйствія или Хорнады, какъ обыкновенно Испанцы раздѣляютъ свои драматическія творенія.

Въ старинныхъ Мистеріяхъ, равно какъ и въ произведеніяхъ живописи XIII и XIV-го вѣковъ, не рѣдко случается, что глазамъ зрителей на одномъ и томъ же планѣ представляется двоякая или даже троякая сцена, наприм. небо, земли и адъ. Слѣды его обыкновенія еще находимъ въ извѣстномъ начеркѣ *esquisse* (*), кисти Рубенса представляющемъ Страшный Судъ и въ славномъ Рафаелевомъ Преображеніи. И мы подобную вольность позволили себѣ и, что всего хуже,—при самомъ началѣ, т.-е. въ 1-мъ явленіи нашей Мистеріи. Признаемся, мы тѣмъ хотѣли нѣсколько озадачить Гг. защитниковъ трехъ единствъ: человѣка, который до того могъ забыть главнѣйшіе сценическіе законы, безъ сомнѣнія они не удостоятъ классической критики, а пожавъ плечами, станутъ читать далѣе единственно для того, чтобы отыскивать новыя причины къ пожиманію плечами. Впрочемъ, чего же и ожидать порядочнаго отъ произведенія, въ которомъ дѣйствуютъ Кикиморы, Шишиморы, Русалки и проч.

Замѣтимъ однако же, для любителей Литературы Классической, что она оказала свое могущественное вліяніе и на насъ грѣшныхъ. Въ Аристофановыхъ хорахъ и даже въ монологихъ и діалогихъ дѣйствующихъ лицъ его Комедій много выходовъ, въ которыхъ онъ прямо говоритъ публикѣ, въ которыхъ найдутся насмѣшки и надъ современными ему писателями и героямъ, надъ самими собою и даже надъ Искусствомъ драматическимъ. За оныя выходы его весьма справедливо осуждалъ нѣкто Профессоръ Элоквенціи при Аѳинскомъ Университетѣ. „Онъ-де“, говорилъ сей преострый мужъ, достойный многихъ хвалъ, „онъ-де разрушаютъ сценическое очарованіе и напоминаютъ почтеннымъ Аѳинскимъ гражданамъ, присутствующимъ при лице-

(*) Этого начерка существуютъ два экземпляра: одинъ въ большомъ видѣ въ Мюнхенской, прежде бывшей Дюссельдорфской; а другой уменьшенный въ Дрезденской галлерей.

дѣйствіяхъ, что передъ ними не Бакхусъ, не Демосъ, не облака и не лягушки, а Карпъ, Сидоръ, крашеный холстъ и Статисты. Въ противномъ же случаѣ Его Превосходительство Г. Архонтъ, Ихъ Высокородія Господа Пританы и прочіе точно были бы увѣрены, что видятъ самаго Бакхуса, самаго Демоса и проч. *probandum erat* и въ чемъ уповательно никто не сомнѣвается“. Мы не изъ числа невѣрующихъ. Но, какъ ужъ намъ вѣрно суждено было судьбою, собрать вкупѣ и соединить всѣ ошибки и промахи нашихъ предшественниковъ, мы обрадовались сей погрѣшности невѣжи Аристофана и ею воспользовались.

Но оставимъ Г. Профессора Элоквенціи и его братью; обратимся къ любезнымъ нашимъ читателямъ. Нынѣ при общемъ движеніи въ Литературахъ всѣхъ языковъ Европейскихъ, при движеніи, которое обнадеживаетъ всякаго, слѣдующаго мыслию за ходомъ вѣка своего, что бѣлая народность, бѣлая живость, бѣлая соотвѣтственность современнымъ понятіямъ будутъ плодами онаго, нынѣ кажется можно было бы воскресить и Мистеріи родъ драматической Поэзіи, по нашему мнѣнію не заслуживающій совершеннаго забвенія. Шекспиръ безъ сомнѣнія величайшій изъ романтиковъ; но Сервантесъ, Лопе де Вега, Кальдеронъ, Морето, самый Гансъ Саксъ,—мужи, которые имѣютъ неоспоримыя, великія права на тщательное изученіе Стихотворцевъ нашего поколѣнія.—Есть истины, или забытыя или слишкомъ мало еще оцѣненныя, истины, которыя весьма бы желательно представить въ разительномъ видѣ не только уму, но, такъ сказать, самымъ очамъ людей мыслящихъ; а сего достигнуть иначе нельзя, какъ посредствомъ формы драматической. Вотъ, чего желали первые сочинители Мистерій; вотъ, къ чему стремились и мы при сочиненіи Ижорскаго. Одна главная мысль господствуетъ въ нашей драмѣ: эта мысль уже изложена въ сей первой части, а во второй будетъ развита еще болѣе. Недоумѣніе читателей на счетъ этой основ-

ной мысли—вотъ единственная критика, къ которой мы были бы чувствительны. Высказать здѣсь мысль сію было бы лишнимъ: ибо если сами читатели ее не отгадаютъ, мы трудъ свой должны считатьъ неудавшимся.

Намъ остается еще отвѣчать на возраженіе, которое, намъ вѣроятно сдѣлали бы критики другой школы, совершенно противной той, о коей выше намекали. „Цѣль Поэзіи сама Поэзія“; скажутъ они по словамъ Шлегеля. „Итакъ, не значить ли унижать сіе высокое искусство, когда употребишь его средствомъ для доказательства какой-нибудь отдѣльной, частной истины; когда, такъ сказать, разжалуешь Поэзію въ служанки Нравоученія?“—Безъ всякаго сомнѣнія. Но есть въ нравоученіи, какъ во всѣхъ другихъ наукахъ, истины поэтическія. Почему же не разработать, не развить ихъ поэтически. Почему же не создать изъ нихъ новаго поэтическаго міра? Во всей вселенной—гармонія: нѣтъ предмета отвлеченнаго, которому бы не соответствоваль чувственный; нѣтъ духа, который бы не отражался въ какомъ-нибудь тѣлѣ; нѣтъ мысли, которая бы не проявлялась въ образѣ Поэтическомъ. Найти сей образъ не значить покорить его мысли; представить его зрителямъ такъ, чтобы они уразумѣли, чему онъ соответствуетъ, не значить употребить его единственно средствомъ къ достиженію цѣли непоэтической. Его унижить только тогда, когда онъ будетъ служить однимъ украшеніемъ, одною одеждою къ прикрытію наготы сухой истины, какъ на прим. въ Поэзіи Дидактической. Скажемъ болѣе: безъ главной, основной мысли (идеи), все соединяющей, все связывающей, все оживляющей, Поэма, какая бы ни была,—тѣло безъ души, котораго удѣлъ безобразіе и разрушеніе.

Объяснившись, во-первыхъ, на счетъ разряда Поэтическихъ произведеній, къ которому желаемъ, чтобы причислили нашего Ижорскаго и, во-вторыхъ, на счетъ того, къ чему стремились мы въ сей Мистеріи, неизлишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о способѣ изложенія,

кого держались мы, и о характерѣ употребленныхъ нами существъ миеологическихъ.

По предназначенію нашему поступки самаго героя и окружающихъ его лицъ, равно и все случающееся съ нимъ, служатъ единственно къ раскрытію его наклонностей. По сему самому большая часть сихъ дѣйствій и событій происходитъ за сценою; зрителямъ же гораздо чаще представляются перемѣны, произведенныя ими въ Ижорскомъ, нежели сами онѣ. Мистерія *Ижорскій* въ этомъ отношеніи составляетъ совершенно противоположный полюсъ Шекспировымъ Комедіямъ Испанцевъ (*Comedias de cara Yespada*): тамъ по происшествіямъ догадываешься о чувствахъ лицъ дѣйствующихъ, здѣсь чувства Ижорскаго поясняютъ происшествія и пророчатъ его дѣйствія. По лирическому духу, преобладающему, какъ въ мистеріяхъ, такъ и вообще во всѣхъ другихъ родахъ драматической поэзіи, близкихъ къ первоначальнымъ стихіямъ оной, мы по необходимости и въ своей драмѣ, составленной по образцу ихъ, должны были отказаться отъ разительныхъ дѣйствій и событій передъ самыми глазами зрителей.

Миеологическихъ существъ, составляющихъ въ нашей драмѣ чудесное, или, по словамъ Вальтера Скота, *волшебное* (*) много; но мы, воспользовавшись ими, хотѣли указать на богатство, которое Поэту представляетъ Романтическая Миеологія вообще, а Русская въ особенности. Въ драмѣ, которой дѣйствіе происходитъ въ XIX столѣтіи, мы употребили ихъ не безъ ироническаго намѣренія. Какое это намѣреніе, надѣемся, легко увидитъ всякій, наблюдавшій съ нѣкоторымъ вниманіемъ въкъ нашъ. Большой части сихъ Миеологическихъ пружинъ мы старались присвоить нѣчто народное, Русское. Такихъ же образомъ мы поступили и съ ямщикомъ, колдуномъ и семействомъ крестьянина Богдана. Лица высшего круга—Европейцы: однако же и въ ихъ образѣ

(*) См. Сынъ Отечества на 1829 No.

мыслей, поступкахъ и словахъ найдутся отгѣнки, обозначающіе Русскій народный характеръ, степень быта гражданскаго, образованности и просвѣщенія, на которой находимся, привычекъ и причудъ, намъ преимущественно свойственныхъ.

Сдѣшимъ окончить наше предисловіе, дабы оно не показалось слишкомъ длиннымъ и важнымъ для произведенія столь ничтожнаго, какимъ Ижорскій нашъ многимъ покажется *).

*) Какъ предисловіе это, такъ и сама Мистерія принадлежатъ перу декабриста Кюхельбекера. Мистерія въ 1835 году была напечатана безъ имени ея несчастнаго автора—такъ это дѣлаемъ теперь и мы изъ уваженія къ памяти Кюхельбекера. Другіе его произведенія мы постараемся дать въ ближайшихъ выпускахъ Библіотеки.

И Ж О Р С К І Й.

Часть I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Левъ Ижорскій, богатый Русскій дворянинъ.

Князь Пронскій.

Княжна Лидія, дочь его.

Графиня Шепетилова, двоюродная ея сестра.

Вѣтреневъ.

Жеманскій.

Весновъ.

Богданъ.

Жена его.

Оома, сынъ ихъ.

Марѳа, дочь.

Вавила.

Ямщикъ.

Духи.

Бука.

Кикимора.

Шипимора.

Сова.

Зничъ.

Волкъ, оборотень

Мертвецы.

Блудящіе огни.

Русалки.

Лѣшіе.

Домовые.

Сильфы.

Гномы.

Ондины.

Саламандры.

} Молодые люди, служащіе въ Петербургѣ.

} Крестьяне Льва Петровича Ижорскаго

Дѣйствіе происходитъ то въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ, то въ Брянскихъ лѣсахъ въ помѣстьѣ Ижорскаго.
